

Іеллоустонскій паркъ.

Wonderland или «страна чудесъ»,—такъ зовутъ американцы свой Іеллоустонскій національный паркъ, куда многочисленныя рекламы зовутъ толпы туристовъ. Не только книжки, путеводители и брошюры, продающіеся въ любомъ книжномъ магазинѣ, дадутъ вамъ увлекательное описаніе этого парка, но предприимчивые содержатели іеллоустонскихъ отелей даромъ раздаютъ пассажирамъ романъ-рекламу. Это дневникъ молодой дѣвушки, женихъ которой уѣхалъ на дальній Западъ и исчезъ безъ вѣсти. Молодая американка, наскучивъ жить одна, отправляется искать работы (а если можно, то и жениха) въ тѣ же края. Она описываетъ желѣзнодорожныя впечатлѣнія, достигаетъ Іеллоустонскаго парка, восторгается его пейзажемъ, озерами и ущельями и среди восхитительной природы находитъ своего жениха разбогатѣвшимъ и мечтающимъ о женитьбѣ. Они умиляются при видѣ другъ друга и устраиваютъ свадьбу. Въ концѣ книги—цѣна за проѣздъ и стоимость жизни въ отеляхъ.

Но такъ или иначе, теперь отъ сѣверной тихо-океанской желѣзной дороги ведетъ особая вѣтвь къ этому парку, и вы на локомотивѣ вѣѣзжаете въ дѣвственный лѣсъ Сѣверной Америки, который рука человѣка оставила не тронутымъ со времени открытія Новаго Свѣта и среди котораго угасающія вулканическія силы, поднявшія цѣлыя группы горъ и залившія цѣлыми потоками лавъ и базальтовъ высокія американскія поля, проявляютъ свою разнообразную дѣятельность. Въ 3—4 дня вы можете достигнуть парка изъ Вашингтона, пересѣкая области американскихъ лѣсовъ, прерій и степей.

Область прерій поѣздъ пробѣгаетъ въ два-три дня, слѣдуя по сѣверной тихо-океанской дорогѣ, и скоро вы вступаете въ страну такъ-называемыхъ дурныхъ земель—Bad lands, Mauvaises terres первыхъ поселенцевъ,—носящихъ уже характеръ среднеазіатской пустыни.

Bad lands постепенно приводятъ насъ къ Скалистымъ горамъ, среди которыхъ, на высокихъ, окруженныхъ горами, плато

¹⁾ Изъ очерковъ «У американцевъ», «Книжки Недѣли», 1891, декабрь.

и расположенъ знаменитый національный паркъ Йеллоустона. Мы покидаемъ тихо-океанскую дорогу близъ станціи Ливингстонъ. Побочная вѣтвь доставляетъ насъ въ нѣсколько минутъ до Циннабара, гдѣ насъ ожидаютъ экипажи и омнибусы ассоціаціи отелей, чтобы везти въ волшебный міръ Йеллоустонскаго парка. Йеллоустонская территорія есть участокъ Скалистыхъ горъ, оставленный правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ для забавы и поученія націи. Здѣсь запрещено селиться, строить дома и охотиться; край оставленъ въ первобытномъ состояніи; по немъ только проложены дороги для проѣзда посѣтителей и выстроено около 6 отелей для туристовъ. Желаящіе посѣтить паркъ обыкновенно берутъ абонементный билетъ на 6 дней и тогда подпадаютъ подъ власть отельной ассоціаціи. Усадивъ въ напоминающіе катафалки экипажи, вась медленнымъ шагомъ перевозятъ изъ отеля въ отель, кормятъ, поятъ и позволяютъ разсматривать чудеса парка, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. За эту недѣлю странствованій по Вундерланду вы вносите довольно круглую сумму въ 100 рублей. Въ виду солидности этой суммы и полной несамостоятельности вашей, весьма многіе изъ обывателей, быть можетъ, тѣ, которые, просидѣвъ десятокъ-другой лѣтъ въ Сити, подобномъ Чикаго, желаютъ тряхнуть стариною и вспомнить молодость, проведенную въ трудахъ піонера дальняго Запада, предпочитаютъ взять крестьянскихъ лошадей и изъ Циннабара самимъ, какъ въ дикой странѣ, разъѣзжать по Йеллоустону; раскидывать на ночь палатки и, разложивъ костеръ, ужинать, созерцая картину дѣвственной сѣверной природы. Слѣды дѣятельности такого рода туристовъ видны повсюду. Вездѣ возлѣ дорогъ раскиданы въ несмѣтномъ количествѣ жестяныя коробки отъ консервовъ, которыхъ тутъ никто не собираетъ, не утилизируетъ и которыхъ тутъ такое же изобиліе, какъ бумажекъ на любомъ общественномъ гуляньи. Съ другой стороны, ночные огни туристовъ, гасимые не особенно тщательно, произвели страшные пожары, и добрая шестая часть національнаго парка представляетъ теперь изъ себя весьма печальную картину торчащихъ головешекъ.

Чтобы въѣхать въ паркъ, вы поднимаетесь вверхъ по горному ущелью, гдѣ полынная степь граничитъ непосредственно съ лѣсомъ. Это одна изъ странныхъ особенностей Скалистыхъ горъ, какой вы не встрѣчаете нигдѣ въ Европѣ и которая даже въ горахъ Средней Азіи выражена далеко не такъ характерно какъ тутъ. Сѣдая полынная степь, типа нашихъ прикаспійскихъ полынныхъ степей, взбирается здѣсь далеко вверхъ въ горы; и

среди склоновъ и долинъ, сѣдо-сѣрыхъ отъ этого растительнаго покрова, вы встрѣчаете участки лѣса, по большей части сосноваго, отчасти пихтоваго и еловаго. *Picea Engelmanni* съ ея сѣдоватою зеленью и *Pinus масросагра* господствуютъ внизу. Это темная зелень хвойныхъ рѣзко отдѣляется отъ сѣдой поверхности степи. Впрочемъ и степь по мѣрѣ того, какъ вы входите въ горы, принимаетъ крайне своеобразный характеръ. Тѣ приземистыя полыни и сложноцвѣтныя, которыя въ Дакотѣ ничѣмъ почти по внѣшности не отличались отъ нашихъ, здѣсь достигаютъ исполинской величины. Полынная степь превращается въ заросли кустарниковъ, если хотите—въ фантастическій, въ китайскомъ стилѣ, лѣсъ изъ древовидныхъ, мѣстами превышающихъ человѣческій ростъ, полыней, солянокъ, желтыхъ сложноцвѣтныхъ, среди которыхъ тамъ и сямъ раскиданы кусты можжевельника, весьма похожаго на нашъ казачій можжевельникъ, но достигающій здѣсь размѣровъ деревьевъ.

Поднимаясь такого рода дорогою, довольно живописной и разнообразной, вы достигаете до перваго чуда Йеллоустона—до отеля, стоящаго противъ горячихъ Мамонтовыхъ источниковъ. Но прежде чѣмъ описывать эти горячіе ключи, я скажу два слова о геологической исторіи Йеллоустонскаго парка.

Весь интересъ единственныхъ въ своемъ родѣ явленій, имъ представляемыхъ, сосредоточивается на вулканической дѣятельности. Область молодыхъ горъ Западной Америки тѣмъ существенно отличается отъ вулкановъ области молодыхъ хребтовъ Стараго Свѣта, что здѣсь гораздо чаще масса лавы не извергалась изъ кратеровъ, но разливалась на громадныя пространства въ видѣ обширныхъ лавовыхъ морей изъ земныхъ трещинъ. Цѣлыя территоріи здѣсь имѣютъ почвою такого рода лавовые покровы; изъ нихъ состоятъ здѣсь цѣлыя горы. Йеллоустонскій паркъ въ отдаленныя времена былъ такимъ центромъ излитія изверженныхъ породъ. Горы, его окружающія, состоятъ главнымъ образомъ изъ ріолитовъ, обсидіановъ и т. п. породъ вулканическаго происхожденія. Но силы, ихъ извергавшія, не угасли вполне до сихъ поръ, и температура подземныхъ слоевъ, на сравнительно весьма небольшой глубинѣ, еще страшно высока. Это обстоятельство причиною того, что атмосферныя воды, просачиваясь внутрь земли и собираясь на нѣкоторой глубинѣ, нагрѣваются до температуры кипѣнія и выходятъ на поверхность земли или въ видѣ пара, или въ видѣ кипящаго ключа, или особенно часто въ видѣ гейзеровъ. И въ то время какъ исландскій гейзеръ, впервые обратившій на себя вниманіе, те-

перь фигурируетъ во всякомъ учебникѣ географіи, гейзеры Йеллоустонскаго парка, которыхъ открыто уже болѣе десятка, только въ послѣднее время начинаютъ возбуждать къ себѣ всеобщее вниманіе.

Горячіе, находящіеся подъ сильнымъ давленіемъ, подземные пары, дѣйствуя на камень, можно сказать развариваютъ его. Онъ мягнетъ, вывѣтривается, раздѣляется на песокъ и глину и отдаетъ водѣ въ растворъ такіе элементы, которые при обыкновенныхъ условіяхъ въ водѣ почти нерастворимы. Особенно много содержатъ въ себѣ такіа воды извести и кремнезема. Выходя на поверхность въ видѣ кипящихъ ключей, эти воды, охладившись, выдѣляютъ изъ себя это растворенное вещество въ видѣ снѣжно-бѣлыхъ натековъ, образующихъ иногда весьма оригинальныя фигуры. Mamonth hot springs и принадлежитъ къ числу такихъ образованій. Близъ вершины крутого склона нѣкогда выходили эти источники; отлагая постепенно по выходѣ кремнезема, они образовали громадную бѣлую гору, террасами спускающуюся книзу; по этимъ террасамъ каскадами сбѣгаетъ кипящая вода. Эти безчисленныя, образованныя изъ бѣлага, какъ сода, натека террасы не имѣютъ вида обыкновенныхъ уступовъ: онѣ правильной, полукруглой формы, напоминающей раковины нашихъ фонтановъ или водопроводныхъ крановъ. Представляя внутри плоскія, какъ блюдечко, резервуарчики, наполненные кипящей водою, снаружи поражая своею бѣлизною, онѣ покрыты сталактитобразными натеками и представляютъ столь нѣжное чешуйчатое строеніе, что не вѣришь, что это водяной осадокъ, а не работа организмовъ.

Эта многосаженная, какъ полукруглыми балкончиками, унизанная террасами снѣжно-бѣлая гора, съ ея безчисленными каскадами и дымящеюся вершиною, производитъ сильное впечатлѣніе. Но еще болѣе оригинальнымъ дѣлается оно, когда вы взойдете на ея плоскую вершину. Чѣмъ выше, тѣмъ шире и больше дѣлаются эти террасы, превращаясь, наконецъ, въ рядъ широкихъ, плоскихъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга тонкими перегородками, водоемовъ. Въ нихъ дымитъ и кипитъ вода. Несмотря на высокую (до 60° R) температуру, воды эти обитаемы; въ нихъ живетъ особаго рода тиноподобная водоросль, выдѣляющая сѣру и измѣняющая цвѣтъ свой въ зависимости отъ температуры воды,—отъ небесно-голубаго до зеленаго, желтаго и оранжево-краснаго. Когда вы сверху смотрите на эти причудливой формы дымящіяся водоемы, вы видите передъ собою рядъ голубыхъ, оранжевыхъ, зеленыхъ и желтыхъ озеръ со столь

нѣжными переливами цвѣтовъ и тѣней, что передать ихъ затруднился бы и опытный художникъ. Вся эта картина, обрамленная свѣжею зеленью сосенъ, въ дикой горной обстановкѣ парка производить волшебное впечатлѣніе.

Переночевавши въ отелѣ у горячихъ ключей, вы на слѣдующій день двигаетесь къ другой достопримѣчательности парка—къ большому каньону Йеллоустона. Какъ извѣстно, каньонами называютъ необыкновенно глубокія и узкія рѣчныя долины съ почти отвѣсно крутыми стѣнками. Каньоны неизвѣстны въ странахъ, подобно Европѣ изобилующихъ дождями; эти формы долинъ возможны только въ областяхъ бѣдныхъ атмосферными осадками, гдѣ рѣки, беря начало съ высокихъ горъ, не получаютъ притоковъ, и въ то время какъ своею работою онѣ пропиливаютъ себѣ глубокое русло—ничто не сглаживаетъ ихъ береговъ. Явленія эти чрезвычайно характерны для западной Америки и здѣсь они иногда бываютъ необыкновенно величественны. Такъ, каньонъ рѣки Колорадо даетъ пропасть съ очертаніями чуть ли не самыми величественными въ мірѣ. Нѣсколько менѣе величественнымъ, но зато, по всеобщему признанію, несравненно болѣе красивымъ каньономъ обладаетъ и Йеллоустонскій паркъ. Къ нему и направился нашъ путь.

Это въ сущности самая интересная и живописная часть парка. То вы видите фантастически нагроможденные другъ на друга высокія, круглыя и длинныя скалы, изъ вывѣтреннаго трахита; то предъ вами выдвигается обсидіановый обрывъ—черная, какъ изъ бутылочнаго стекла сдѣланная, блестящая скала. Дорога все время идетъ сосновымъ лѣсомъ. Лѣсъ этотъ, какъ и весь Йеллоустонскій паркъ, содержится крайне небрежно и соединяетъ въ себѣ дикую картину его первобытнаго состоянія съ печальнымъ зрѣлищемъ небрежнаго обращенія со стороны чело-вѣка. Цѣлыми верстами тянутся обгорѣлые пни; гдѣ лѣсъ живъ, онъ заваленъ полусгнившими стволами, образующими между деревьевъ непроходимыя баррикады. При значительной высотѣ парка надъ уровнемъ моря, здѣсь уже господствуетъ чисто сѣверная растительность. Сосна является господствующимъ деревомъ; но это не наша сосна, съ ея широкою изящною кроною, по справедливости называемая пальмою сѣвера; это дерево, съ прижатыми голыми вѣтвями, въ большинствѣ мѣстъ производить впечатлѣніе убогости. Подъ ея сѣнью, несмотря на тысячи верстъ, отдѣляющія эти сосновые боры отъ нашего сѣвера, глазъ встрѣчаетъ все родныя формы. Свѣжая зелень листьевъ черники, болѣе мелкихъ чѣмъ у нашей, образуетъ основной

фонъ растительности. Тамъ и сямъ виднѣтся ягодка земляники; копорскій чай распускаетъ между кустами малины свой ярко-розовый цвѣтокъ; въ тѣни виднѣтся брусничникъ, и только лиловые липинусы, тамъ и сямъ распускающіе свои цвѣты, напоминаютъ, что вы находитесь въ Америкѣ, а не гдѣ-нибудь въ Петербургскихъ окрестностяхъ или Нижегородскомъ Заволжѣ.

Среди этой то однообразной природы и расположенъ каньонъ парка. Вы подъѣзжаете къ нему по крутому подъему, и, обыкновенно, покинувъ на полпути экипажъ, поднимаетесь пѣшкомъ къ обрыву пропасти, въ которую съ шумомъ низвергается громадный водопадъ. Вы останавливаетесь, пораженный чудною картиной. Справа падаетъ съ высоты масса пѣнящейся, шумящей воды, далеко внизу подъ вашими ногами въ пропасти разбивающаяся на тысячи брызгъ, давая начало рѣкѣ, извивающейся на недостижимой глубинѣ. Слева развертывается восхитительная панорама глубочайшаго ущелья. Далеко вверхъ темнѣтъ нависшій надъ обрывомъ лѣсъ; подъ нимъ открывается круча, падающая внизъ, унизанная, какъ бастіонами, отдѣльными выступами скалъ, на которыхъ лѣпятся деревья. Глубже и глубже спускается ущелье, тѣснѣе нависаютъ скалы и на недостижимой глубинѣ пѣнятся голубыя воды потока. Выступы скалъ, крутые обнаженные обрывы окрашены въ самые фантастическіе цвѣта, отъ яркаго канареечно-желтаго до коричневаго и малиноваго. Эти пестрые оттѣнки, прелестно гармонируя съ зеленью хвойныхъ, въ общемъ даютъ картину, не поддающуюся никакому описанію. Надобно ее видѣть, чтобы понять всю ея прелесть, все ея чудное величіе.

По краю ущелья вьется узенькая тропинка. Слѣдуя ея извивамъ, вы открываете все новыя и новыя панорамы. Крутые края оврага здѣсь размыты и разбиты на отдѣльно выдающіеся уступы самыхъ фантастическихъ очертаній и формъ. Никакія развалины старинныхъ, древнихъ замковъ, нависшихъ на скалахъ надъ пропастью, не производятъ того впечатлѣнія, какъ эти отдѣльно, какъ замки на уступахъ, расположившіяся, висящія надъ пропастью причудливыя бѣлыя скалы. По узкимъ тропинкамъ вы можете взлѣзть на нѣкоторыя изъ нихъ, стать на площадку, едва достаточную, чтобъ умѣстились ваши ноги. Тогда дивный міръ предстанетъ передъ вами. Какъ на вершинѣ одинокой горной вершины, парите вы надъ пропастью, каменной и пустынной, со дна которой со всѣхъ сторонъ поднимаются къ вамъ такія же пики. Подобныя же башни справа и слева заслоняютъ вамъ горизонтъ. А на безконечной глубинѣ подъ

ними, среди лѣса, отдѣльныя деревья котораго кажутся подобными моху, пѣнится рѣка, исчезающая какъ бы въ исполинскихъ воротахъ среди громаднаго ущелья. Стѣны этого ущелья, принимая самыя фантастическія формы, вырастаютъ передъ вами съ другой сторны рѣки, давая картину горъ съ лѣсами, оврагами и ущельями. Съ другой стороны во всей красѣ развертывается панорама низвергающагося вдали исполинскаго водопада. Вы парите надъ этою картиною, надъ которой стоите какъ бы поднятый на невѣроятную высоту. Картина совмѣщаетъ въ себѣ всѣ прелести вида съ птичьяго полета съ величественною панорамой горнаго ущелья. Она даетъ такія сочетанія цвѣтовъ и красокъ, такое ощущеніе величія природы, подобнаго которымъ врядъ ли можно найти много. Американцы сумѣли понять величіе этой картины. Они не только запретили что-либо строить, но даже не проводятъ новыхъ дорогъ, не разводятъ огня, не позволяютъ стрѣлять. Попадая сюда, человѣкъ находится съ глазу-на-глазъ со строгою сѣвѣрною природою во всей ея красотѣ и въ полной тишинѣ и безмолвіи. Онъ самъ нѣмѣетъ передъ этою дивною красотою, имѣя товарищемъ только орловъ, гнѣзда которыхъ пріютились на отдѣльныхъ вершинахъ, торчащихъ изъ бездны.

Нигдѣ въ Европѣ туристъ не увидитъ ничего подобнаго. Надо имѣть каньонъ, чтобы получить это сочетанія высоты съ бездною. Чтобы встрѣтить нѣчто аналогичное, вы должны или ѣхать въ Америку, или отправиться въ скалистыя горы Стараго Свѣта—на нашъ Тянь-Шань. Здѣсь въ образѣ глубокаго ущелья рѣки Чарына, вы вновь встрѣчаете величественную картину каньона, которая по своему эффекту можетъ состязаться съ Йеллоустонскимъ. Но въ то время какъ каньонъ Йеллоустона извѣстенъ на весь міръ, его фотографіи и описанія вы найдете въ любомъ американскомъ городѣ,—каньонъ Чарына посѣщаютъ лишь киргизы, онъ никѣмъ не описанъ и проѣзжающіе путешественники упоминаютъ только о томъ, что рѣка Чарынъ вырывается въ степи изъ горъ, образуя единственное въ своемъ родѣ по глубинѣ ущелье. Да позволено будетъ поэтому мнѣ (быть можетъ, единственному европейцу, имѣвшему возможность сравнить эти два каньона), напомнить нѣсколько подробнѣе о нашемъ ущельѣ.

Общаго между каньономъ Чарына и Йеллоустона только то, что оба каньона—поразительной глубины; но обстановка и характеръ ихъ совершенно иные. Выѣзжая къ каньону Чарына, вы выходите на обширную, ровную какъ столъ, поросшую по-

лынями степь; далеко кругомъ синѣютъ горы; но горы эти такъ далеки, что онѣ закутаны, какъ вуалью, голубою дымкою. И вотъ, когда вы ѣдете по этой степи, совершенно неожиданно подъ вашими ногами развертывается панорама цѣлой горной страны. Почва обрывается подъ вашими ногами почти отвѣсною стѣною и образуетъ многосаженную кручу. Подъ нею открывается горная страна пиковъ, долинъ и ущелій, страна суровая и мрачная, круто падающая въ глубочайшую долину, гдѣ реветъ Чарынъ, съ этой высоты кажушійся узенькою ленточкою, обрамленною деревьями, кроны которыхъ не болѣе горошины. Но самая величественная картина на Чарынъ открывается, когда, проѣхавъ степь, вы подыметесь на небольшой кряжъ, откуда виденъ прорывъ Чарына. Правда, здѣсь онъ не образуетъ водопада, какъ рѣка Іеллоустона; но рѣка бѣшено бурлитъ здѣсь на недосигаемой глубинѣ въ узкомъ, какъ корридоръ, гранитномъ ущельѣ. Весь каньонъ Чарына лишенъ причудливыхъ башенъ и выступовъ, которыми такъ изобилуетъ Іеллоустонъ, но зато его глубина значительно больше, а щель такъ мрачна и величественна, что не только я съ полчаса не могъ оторвать глазъ отъ обрамленной мрачными скалами пропасти, но и сопровождавшій меня киргизъ до того увлекся картиною, что опомнился лишь тогда, когда нашъ караванъ почти скрылся изъ его глазъ.

Собственно говоря, каньономъ Іеллоустона и исчерпываются всѣ красоты парка. У васъ затѣмъ совершенно напрасно отнимаютъ два дня, провозя къ расположенному между холмистыми горами озеру и катая по этому озеру на пароходѣ. Ни его берега, ни дорога, ведущая къ нему, не представляютъ ничего красиваго. Само озеро по красотѣ своей едва можетъ сравниться съ нашими сѣверно-русскими и финляндскими озерами, и только сознаніе, что оно лежитъ на значительномъ уровнѣ, миритъ нѣсколько со скукою плаванія по его поверхности. Разсказываютъ, что на этомъ озерѣ есть маленькое чудо—небольшой островокъ изъ кремнеземистой накипи, въ кратерѣ котораго постоянно кипитъ вода. Такъ какъ воды въ озерѣ, окружающія островокъ, совершенно холодныя, то къ нему могутъ подплывать рыбы; рыбъ этихъ можно удить и, не снимая съ удочки, а только перебросивъ на другую сторону этого маленькаго кольцеобразнаго островка, варить его въ кратерѣ. Но это чудо почему-то намъ не показывали.

Вообще же говоря, странствія по парку утомительно однообразны. Цѣлыя версты горѣлаго лѣса, болотца, полузаросшія ивнякомъ и осокою, какъ гдѣ-нибудь подъ Колпинымъ, чухлый

соснякъ, заваленный за тысячелѣтія скопившимся буреломомъ, медленная, нестерпимая для русскаго человѣка ѣзда въ экипажѣ, сѣренькое небо, петербургскій дождикъ по временамъ и однообразно холмистая мѣстность сопровождаютъ васъ все время. Я и мои русскіе спутники приравнивали эту природу и къ сѣверному Уралу, и къ сѣверо-восточной Сибири, и къ Райволѣ, но вездѣ мы находили больше разнообразія и красоты, чѣмъ здѣсь. Нами овладѣвала тоска и досада на даромъ потраченныя время и деньги, которыя можно бы было употребить на лучшія экскурсіи.

Несравненно интереснѣе—области гейзеровъ, которыя путешественники посѣщаютъ въ послѣдніе дни пути. Эти гейзеры, попадающіеся по всему парку, главнымъ образомъ собраны въ двѣ группы: верхніе и нижніе гейзеры. Ихъ области уже издали представляютъ оригинальную картину. Передъ вами открывается обширная, бѣлая какъ снѣгъ низина, среди которой тамъ и сямъ разбросаны участки лѣса—сосенъ или елей. Въ различныхъ пунктахъ этой низины изъ земли поднимаются густые клубы бѣлаго пара. Кажется, будто передъ вами мѣсто покинутого лагеря и горитъ многое множество костровъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ, однако, пространства, занятыя паромъ, очень велики и паръ весьма густъ. Если вы приблизитесь къ источнику этого пара, вы обыкновенно видите круглую луну или иногда просто небольшое возвышеніе, выполненное кипящей водою. Вода эта кипитъ ключемъ. Въ однихъ мѣстахъ она бываетъ чистая какъ хрусталь, въ другихъ резервуарахъ она кажется небесно-голубою, наконецъ, нѣкоторые ключи, берущіе начало въ разваренныхъ ихъ дѣятельностью діоритахъ, кипятъ въ жидкой грязи, или, лучше сказать, глинѣ чисто бѣлаго или розоваго цвѣта. Оригинальную картину представляютъ эти резервуары густой кипящей бѣлой грязи. На нихъ постоянно вскакиваетъ великое множество пузырей; эти пузыри лопаются, оставляя на грязи ряды долго не сглаживающихся концентрическихъ круговъ. Всѣ вмѣстѣ представляютъ весьма оригинальное зрѣлище. Но громадное большинство резервуаровъ имѣетъ на днѣ лишь одинъ кипящій ключъ воды. Наблюдая за его кипѣніемъ, вы видите, что оно подвержено нѣкоторой періодичности: ключъ порою бьетъ сильнѣе, порою ослабѣваетъ. Отъ такихъ ключей одинъ переходъ до маленькихъ гейзеровъ. Вы видите полный воронкообразный резервуаръ; вы видите, какъ на вашихъ глазахъ онъ постепенно наполняется кипящей водою, которая наконецъ, выходитъ изъ краевъ. Тогда слышится легкій гулъ и

начинаетъ съ большою силою и массою пара выбрасываться фонтаномъ вода на весьма значительную высоту. Это продолжается нѣсколько минутъ, пока не будетъ выкинуто все содержимое бассейна; тогда гейзеръ утихаетъ; мало-по-малу резервуаръ наполняется высачивающейся изъ нѣдръ земли кипящей водою, и гейзеръ начинаетъ играть вновь.

Изверженія гейзеровъ повторяются съ такой правильностью и періодичностью, что время изверженія можно высчитать минуту въ минуту. Этимъ и пользуются путеводители, чтобы показывать публикѣ изверженія самыхъ большихъ, знаменитыхъ гейзеровъ. Ихъ болѣе десятка; самые большіе изъ нихъ (Гигантъ, Гигантесса, Old Faithfull, Павлиній хвостъ, Береговой и нѣкоторые др.) извергаютъ свои воды черезъ довольно большіе промежутки времени—иные черезъ два или три дня. Зато масса воды, ими извергаемой, громадна и картина изверженія великолѣпна. Мнѣ приходилось присутствовать при изверженіи нѣсколькихъ. Вы стоите съ часами въ рукахъ, съ нетерпѣніемъ ожидая назначенной минуты и часа. Передъ вами изъ земли торчитъ широкое жерло, въ которомъ кипитъ вода. Вотъ бурленіе ея становится все сильнѣе и сильнѣе—нѣсколько разъ подбрасываются кверху значительныя массы воды. Наконецъ, послѣ двухъ-трехъ глухихъ раскатовъ, окруженный густыми клубами горячаго пара, на высоту нѣсколькихъ десятковъ саженей вылетаетъ столбъ кипятку. Не фонтаномъ, а скорѣе роскошнымъ фейерверкомъ бьетъ онъ на высоту во всѣ стороны, распространяя облака пѣннаго пара. Дѣйствіе гейзера рѣдко продолжается долѣе четверти часа. Затѣмъ силы его быстро слабѣютъ и онъ вновь затихаетъ. Нѣкоторые изъ гейзеровъ имѣютъ особыхъ индикаторовъ—небольшіе, по сосѣдству расположенные гейзеры, начинающіе свое изверженіе всегда ровно за 5 или 10 минутъ до начала большого. Большіе гейзеры выбрасываютъ струи различной формы, отъ которой они и получаютъ свои названія. Одни бьютъ въ видѣ фонтана, другіе разбрасываютъ свою струю вѣромъ, третьи, наконецъ, выдѣляютъ неимоверное количество пара. Нѣкоторые окружены причудливыми загородами, образованными кремнеземистымъ выдѣленіемъ, другіе бьютъ среди естественныхъ прудовъ; наконецъ одинъ, названный «монархомъ», бьющій у подножія скалы, выходитъ прямо изъ разсѣлинъ въ землѣ.

Въ сущности, таково происхожденіе и прочихъ гейзеровъ,—они также бьютъ изъ трещинъ; но трещины эти болѣе или мѣнѣе замаскированы накипью. Самое явленіе періодическаго

изверженія водъ въ настоящее время прекрасно объяснено Бунзенъ. Не входя въ этотъ очеркъ моей поѣздки въ детали этого объясненія, которое читатель найдетъ въ любомъ курсѣ физической географіи, укажу лишь, что суть дѣла въ томъ, что воды, скопляющіяся въ трещинахъ, подогреваются подземнымъ вулканическимъ жаромъ *снизу* и что масса воды, находящаяся въ трещинѣ, бываетъ часто настолько велика, что нагрѣтая внизу вода находится подъ давленіемъ болѣе сильнымъ, чѣмъ въ запаянномъ котлѣ. А при этихъ условіяхъ, какъ извѣстно, она можетъ нагрѣться до нѣсколькихъ сотъ градусовъ не закипая. Когда же, наконецъ, она обращается въ паръ, она, какъ бы взрывающаяся, выбрасываетъ всю до послѣдней капли лежавшую сверху массу воды и, опорожнивъ подземный резервуаръ, затихаетъ, пока вновь натекая вода не произведетъ эффекта. Степень частоты изверженій, масса воды, извергаемой гейзеромъ, и его высота находятся въ прямой зависимости отъ величины подземнаго резервуара и силы нагрѣванія подземнымъ огнемъ.

Долина, гдѣ расположены гейзеры, производитъ впечатлѣніе какой-то адской кухни. Вы ходите по бѣлой, горячей, всюду продыравленной поверхности, какъ по плитѣ; со всѣхъ сторонъ въ котлахъ у васъ кипитъ грязь или вода, подымается паръ, бьютъ фонтаны кипятку, слышится гулъ. Но все это интересно лишь на короткое время. Если вы съ недѣлю проживете въ этой адской кухнѣ, переѣзжая по ея унылымъ лѣсамъ отъ одной плиты къ другой, если вы присмотритесь къ ея гейзерамъ, вы убѣдитесь, что все это варіаціи одного и того же явленія; они вамъ такъ же приглядятся, какъ фонтаны Петергофскаго сада его дачникамъ, и вы не безъ удовольствія вернетесь въ Циннабаръ, къ его насыпямъ, гремучимъ змѣямъ и вашему поѣзду, гдѣ, несмотря на посредственную кухню, васъ все-таки кормятъ лучше, чѣмъ въ пресловутыхъ отеляхъ Іеллоустонскаго парка.
